

УДК 94(47).045

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ НОВГОРОДСКОЙ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРАКТИКИ ПЕРИОДА НАМЕСТИЧЕСТВА ЯКОБА ДЕЛАГАРДИ (по материалам архива СПб ИИ РАН)

Е. М. Попова

Попова Елизавета Михайловна, аспирант кафедры всеобщей истории, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, учитель истории лицея № 3 имени К. А. Москаленко, Липецк, kowkaforever@yandex.ru

Статья посвящена шведскому присутствию в Новгороде 1611–1617 гг. во главе с Якобом Делагарди. Наиболее детально рассматривается вопрос, касающийся административной практики в указанный период. По материалам документов удалось установить национальный и социальный состав должностных лиц, порядок их назначения, основные принципы делопроизводства. Для этого был проведен анализ должностных особенностей и функций новгородской администрации, который показал отсутствие каких-либо заимствований из иноземной административной практики, а также высокий уровень самостоятельности новгородских должностных лиц в управлении городом.

Ключевые слова: Якоб Делагарди, Великий Новгород, Смутное время, административная практика, должностное лицо, пятаконецкий староста, целовальник.

On the Nature of the Administrative Practice of Novgorod the Great during the Period of Jacob de la Gardie's Governorship (based on the Archive of St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science)

Е. М. Попова

Elizaveta M. Popova, ORCID 0000-0001-6929-0999, Novgorod State University, 41, Bol'shaja Sankt-Peterburgskaja Str., Velikij Novgorod, 173003, Russia, kowkaforever@yandex.ru

This article deals with the Swedish presence in Novgorod in 1611–1617, headed by Jacob de la Gardie. The administrative practice of that period is studied in detail. On account of the documents, it became possible to define the national and social structure of the official bodies, assignment procedure and the main principles of paperwork management. For this reason, an analysis of peculiarities and functions of the Novgorod administration was carried out. It showed the absence of any borrowings from foreign administrative practice and a high level of independence in the Novgorod officials' management of the city affairs.

Key words: Jacob de La Gardie, Novgorod the Great, Time of Troubles, administrative practice, public official.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-12-17

Смутное время в России – один из наиболее интересных и не до конца изученных эпизодов отечественной истории. Нестабильность политической и экономической ситуации, социальные катаклизмы, идеологические и мировоззренческие расхождения, которыми было отмечено начало XVII в., позволяют некоторым отечественным и зарубежным исследователям представлять

события Смуты как «первую гражданскую войну» в России¹. Кризис немало усугублялся прекращением древней династии Рюриковичей, что породило частую смену государей и узурпаторство самозванцев, поддерживаемых польской Короной².

Царь Василий Шуйский (1606–1610) в целях сохранения власти, которой угрожали польские ставленники, призвал на службу шведский экспедиционный корпус под командованием военачальника Якоба Делагарди (1583–1652), заключив договор со шведским королем Карлом IX, по условиям которого обещал ему территориальные уступки и денежное вознаграждение³. Неспособность русской стороны выполнить свои обязательства по Выборгскому договору⁴ спровоцировала шведов в 1611 г. занять Великий Новгород и принять его под свое управление, в результате чего оформился шведско-новгородский политический альянс, просуществовавший до 1617 г.⁵, и была создана специфическая административная система. Формально правителем Новгорода считался шведский принц Карл Филипп (1601–1622), которого прочили на русский престол, фактически же вся полнота власти находилась в руках шведского военачальника Якоба Делагарди (1611–1614)⁶.

Столь неординарная ситуация привела к тому, что в кругу современных историков возникла острая полемика по поводу понятия «шведская оккупация»⁷, которая предполагает скрупулезное изучение административной системы, существовавшей в Великом Новгороде при шведах. Важными направлениями в ходе изучения административной системы может стать выяснение национального и социального состава должностных лиц, порядка их назначения, принципов, которыми они руководствовались в управленческой практике, соотношения традиционных порядков и нововведений. Благодаря исследованиям в этой области можно будет представить аргументированное заключение относительно характера шведского присутствия в Новгороде и узнать, насколько определение «оккупация», бытующее в российской историографии с XIX в. и по сей день⁸, применимо к новгородским реалиям 1611–1617 гг.

Интерес к данной проблеме проявляют отечественные и зарубежные историки (А. А. Селин⁹, Х. Сьондберг¹⁰, Е. И. Кобзарева¹¹ и др.), которые, однако, рассматривают ее сквозь призму новгородской социальной системы. Обратиться

к этому аспекту позволяют документы, хранящиеся в научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (далее – Архив СПбИИ РАН) из фондов Русской секции, которые представляют собой коллекцию актов до 1613 г.¹² Она содержит 1219 ед. хр., которые отражают разнообразные стороны социально-экономической, политической, военной и культурной истории Русского государства за семь столетий (с XIV по XX в.). Значительный комплекс образуют архивы местных управленческих структур XVI–XVIII вв. – дела воеводских и земских изб, приказных палат и т. д.¹³, записанные чаще всего на отдельных листах. В рамках заявленной темы наибольший интерес представляют документы 1611 г. «о выборе пятиконецких старост и целовальников в Новгородскую судную избу»¹⁴, а также документ, касающийся «выбора» пятиконецкими старостами целовальников к новгородским тюрьмам, на мельницы и к баням в Новгороде»¹⁵. Дополнением к этим источникам могут служить документы Новгородского Оккупационного архива (далее – НОА), представляющего собой архив Новгородской Приказной избы¹⁶. Подробная опись и характеристика документов представлена в двухтомном каталоге, который существенно упрощает работу с этим архивом¹⁷.

Несмотря на тяжелое положение в стране, голод, экономические трудности, система управления Новгородом при шведах функционировала в интенсивном режиме, создавая в Новгородской земле «островок относительной стабильности»¹⁸. В период с 1611 по 1614 г. высшая исполнительная власть находилась в руках генерала Якоба Делагарди, который старался привлечь русских управленцев, что позволяло ему создать представление о сохранении в Новгороде традиционного административного порядка. Первым его помощником являлся воевода князь Иван Никитич Большой-Одоевский (?–1616). Во многих официальных документах из НОА присутствуют обращения к ним обоим¹⁹, что позволяет предположить близость их административных статусов и наличие соправительства шведского наместника и представителя русской аристократии.

Между тем, чтобы иметь право говорить о тенденции, необходимо посмотреть, как обстояли дела в низших эшелонах власти, в чем могут помочь вышеназванные документы из Архива СПбИИ РАН. Они ранее не публиковались и невелики по объему, что позволяет нам привести их содержание. Первый документ гласит: «Лета 7120 сентября 8 день по памяти за приписью дьяка Семена Лутохина пятиконецкие старосты Калина Манатерников да Офона Лесовик с товарищами выбрали в суд в старосты гостя Первого Прокофьева <...> да в целовальники Тимофея Яковлева <...>»²⁰. Все указанные здесь должности (старосты, дьяк, целовальник) являются

русскими, что было характерно для шведского присутствия. Даже шведы, занимавшие место в администрации, считались исполнителями русских должностей, как, например, шведский секретарь М. М. Пальм, который в документах зачастую именовался дьяком²¹.

Далее отметим, что все упомянутые в документе кончанские старосты, староста, представленный к суду, и целовальник имеют русские имена²². Самая высокая должность, упомянутая в документе, – должность дьяка, приказного лица, также принадлежит новгородцу, а именно Семену Лутохину. То, что Лутохин новгородец – само по себе примечательно, потому что при шведах на должности старались назначать местных уроженцев, в то время как в предшествующие Смуте времена почти все новгородские дьяки назначались непосредственно из Москвы²³. Семен Михайлович Лутохин, фигурирующий в этом документе, являлся выходцем из софийских детей боярских²⁴, был очень известным и довольно влиятельным человеком в Новгороде. В 1610/1611 гг. он числился дьяком Дворцового приказа²⁵, занимая одну из ключевых должностей местного управления, а с 1612 г. являлся дьяком Разряда и Поместного приказа, из-за чего его фамилия очень часто фигурирует в документах из НОА и архива СПбИИ РАН. Лутохин был отстранен от управления лишь в 1615 г. после смены Якоба Делагарди Эвертом Горном (1585–1615) за отказ от присяги Густаву Адольфу²⁶. Все это дает нам право считать Семена Лутохина одним из важных фигурантов новгородско-шведского альянса, которые занимались управлением города.

Однако социальный состав исполнительной власти не ограничивается боярами и детьми боярскими. Мы видим, например, что на должность судного старосты был назначен гость Первой Прокофьев, выходец из купеческой среды. Его имя также встречается в документах НОА²⁷, а также в работах А. А. Селина²⁸ и Е. И. Кобзаревой²⁹. Примечательно, что в документе 1611 г. Первой Прокофьев упоминается как «гость, выбранный в суд в старосты», а двумя годами позже он же именуется «гостем, целовальником и таможенной головой»³⁰, из чего следует, что при шведах он имел возможность продвинуться по карьерной лестнице, что, однако, заслуживает более детального изучения.

Особо примечательной должностью, упоминаемой в документе, является должность пятиконецкого (кончанского) старосты, один из рудиментов Новгородской вечаевой республики. По мнению многих исследователей, статус и функции кончанских старост республиканского периода до конца не изучены³¹. Известно лишь, что они избирались и возглавляли один из пяти концов Великого Новгорода, а также представляли своих избирателей на общем вече при решении общественных дел; их печатями скреплены важные документы и договоры³².

После ликвидации вечевой республики новгородская система управления была преобразована и стала близким аналогом московской³³. Принцип выборности должностных лиц на всех уровнях был заменен их назначением на время и всевластием московских наместников. Упоминание о кончанских старостах, тем не менее, встречается в период пребывания в Новгороде шведов, что позволяет предполагать существование тенденции к возрождению традиций вольного Новгорода. Г. М. Коваленко отмечал это в ряде своих работ³⁴, однако подробно эта проблема еще не изучалась. В. А. Аракчеев считает, что кончанские старосты как представители городского самоуправления существовали и в других русских городах³⁵, но мы не убеждены в их полной идентичности с новгородскими, хотя соглашаемся с необходимостью дальнейшего исследования данного вопроса.

Из приведенного выше документа видно, что должность кончанских старост в Новгороде во время правления Делагарди занимали Калина Манатерников и Офоня Лесовик, скорее всего, обычные посадские жители. Оба упомянуты также в документе 1612 г., что свидетельствует о сохранении ими своих должностей³⁶. Можно предположить, что одной из функций кончанских старост было регулирование хозяйственной и финансовой жизни города, в частности, сбор средств «по разводу», поскольку в документе 1612 г., в котором они фигурируют, решался вопрос покупки сена у посадских и крестьян. Ввиду отсутствия у администрации средств («в казне денег нет») предлагалось собрать деньги с Новгородского посада, митрополичьих вотчин, монастырских и дворцовых сел и пятин. Заниматься этим должны были кончанские старосты. На подведомственную им территорию была возложена обязанность по выплате определенной суммы: «А по розводу тех денег с Ноугороцкого посаду ялося взятии девяносто рублев и пятиконецким старостам Калине Манатернику да Офонасею Лесовику с товарищи те деньги за сено, что на них по розводу довелоса взятии девяносто рублев, велети собрати с Ноугороцкого посаду с посацких людей тот час»³⁷.

На основании каталога НОА, выпущенного Э. Лёфstrand и Л. Нордквист, удалось проследить, кто и в какие годы занимал должность пятиконецких старост³⁸ и, в частности, установить, что помимо Калины Манатерника и Офони Лесовика в 1611–1612 гг. ими были Климентий Первой (Первуша) и Осип Васильев сын. Климентий Первой упоминается в звании концецкого старосты и в 1616 г., о непрерывном сроке его пребывания на этой должности говорить не представляется возможным, так как документов, свидетельствующих об этом, мы не обнаружили. Не удалось установить имя пятого старосты в этот период из-за отсутствия указания в имеющихся у нас документах. В 1613 г. пятиконецкими старостами

являлись Осип Васильев сын и Осип Ганчюков, в 1614 г. – Томилка Пристольцев, Ореф Хлебник, Андрей Васильев и Докучай Сласницын, в 1615 г. – Кирилл Молодежник и Третьяк Трупов. В 1616 г. новых имен не появилось, и в качестве пятиконецких старост опять фигурировали Томилка Пристольцев, Ореф Хлебник и Андрей Васильев. Все указанные пятиконецкие старосты в период шведского присутствия ведали делами и сборами Новгородского посада. Их полномочия не выходили за рамки города.

Констатация факта существования при шведах института кончанских старост, к сожалению, не позволяет ответить на вопросы относительно их назначения или избрания, соответствия их общего количества пяти городским концам, идентичности выборным кончанским старостам эпохи новгородской независимости – все это заслуживает, безусловно, отдельного исследования, однако есть основания говорить об их административной правомочности. Речь идет о праве кончанских старост формировать аппарат управленцев низшего звена и производить назначения (или выборы) на должности. Приведенный выше документ из Архива СПбИИ РАН показывает нам, что ими были назначены староста и целовальник к суду. В связи с этим рассмотрим еще один документ из Архива СПбИИ.: «Лета 7120 сентября в 14 день по памяти за приписью дьяка Семена Лутохина, пятиконецкие старосты Калина Манатерников, да Офонасий Лесовик с товарищи выбрали в целовальники к тюрьмам Мирона Денесьева, да Савеля Щепетника, да на мельницу Михаила Грязнуха Кончанской улицы, да Матфея Микулина <...> да Микита Скотник, да к баням Григория Поганкина Егорьевской трети, да Ивана Марихина с Рогатицы, да Трофима Скорняка с Власея, а выбор писал земский дьячек Васька Елтуфеев сентября в 14 день»³⁹. Заметим, что «выборы» проводили уже знакомые нам кончанские старосты без какого-либо вмешательства шведской администрации и, скорее всего, с ее позволения. Еще более важен тот факт, что выборы, как свидетельствуют два документа, происходили в сентябре 1611 г. вскоре после взятия города шведами⁴⁰. Очевидно, новые власти не стали менять сложившиеся порядки, и исполнение должностных обязанностей их носителями продолжалось в привычном режиме.

Кончанские старосты производили выборы целовальников. Должность целовальников существовала в Московском государстве, где она воспринималась как повинность, чаще всего возлагавшаяся на посадских людей или крестьян. В обязанности целовальника входил сбор денег на текущие расходы, податей и косвенных налогов, их разверстка среди тяглого населения, доставка собранных средств в казну и другие хозяйственные функции⁴¹ – другими словами, это была «выборная общественная должность, с определенными фискальными или юридически-

ми функциями, представитель которой присягал на должность и целовал крест; также означает поставщик спиртного в государевых кабаках»⁴².

Приведенный выше документ подтверждает данное определение. Должность целовальника при шведах сохраняла свою выборность и воспринималась как повинность посадского населения. Целовальников избирали для контроля за учреждениями, и они несли ответственность за финансовую и административную сторону их работы. Документ указывает на существование различных целовальников – при судах, при мельницах, при тюрмах, банях и т. д. Чаще всего целовальник был не один, назначалось сразу по 2–3 человека. Были такие заведения, где требовался больший контроль. Так, например, на службу при кабаке и винном погребе из числа посадских было избрано 15 целовальников⁴³. Можно предположить, что количество служащих зависело от объема выполняемых работ или от масштаба учреждения, его финансовой способности. К задачам целовальника по-прежнему относился подсчет средств, сбор или помощь при сборе податей, покупка инвентаря, организация работы мельниц, бань и других общественных учреждений. Целовальники при судах должны были обеспечивать справедливость судебного процесса, помогать старостам. На наш взгляд, особого внимания заслуживает изучение функций каждого отдельного целовальника при определенном учреждении, что позволит наиболее полно сопоставить функции и задачи всех исполнителей данной должности, выявляя их сходства и различия. В настоящее время благодаря усилиям шведского слависта А. Шёберга наиболее полно изучена деятельность целовальников при банях. Установлено, что баня управлялась четырьмя целовальниками, которые собирали деньги за посещение бани, обеспечивали ее всем необходимым, нанимали плотников, каменщиков для ее починки и т. д.⁴⁴

Имена лишь двух целовальников, упомянутых в документах из Архива СПбИИ, мы встречаем в актах НОА, что, видимо, объясняется тем, что один человек редко оставался на должности целовальника длительное время⁴⁵. Трофим Скорняк и Григорий Поганкин (Поганка), о которых идет речь, оставались служить при банях, занимаясь ведением их доходов и расходов (на веники, дрова, зарплаты, ремонтные работы). К своей должности они приступили 19 сентября и сохраняли ее вплоть до лета 1612 г.⁴⁶

Можно отметить, что исполнение обязанностей целовальников иногда были сопряжены с опасностями: «Да послал государь я холоп твой к тебе с целовальником з Богданкой Гульковым подъемных да шубных денег восемь рублей без десяти деньги. <...> И того государь Богданка целовальника литовские люди убили и казну твою государеву взяли»⁴⁷. Подобное случалось не только в Смуту, и целовальникам приходилось

не только заниматься финансами, но и отвечать за их сохранность с риском для жизни.

Стоит также обратить внимание на оформление рассмотренных документов, которое позволяет заметить ответственный подход его составителей. Документ в обязательном порядке составлен за приписью дьяка, который осуществлял административный контроль за событиями в городе. Каждый документ начинался с записи дня, месяца и года, в который произошло то или иное событие. Назначения на должности записывались с упоминанием имен, иногда места жительства всех фигурантов. Земский дьячек, производивший запись, обозначал свое имя в конце и вновь ставил «число», т. е. день, месяц и год, в который он сделал свои записи. Все документы писались на русском языке и оформлялись в соответствии с русским обычаем делопроизводства; они должны были храниться, пока в них была необходимость⁴⁸.

Таким образом, небольшой комплекс документов периода пребывания Великого Новгорода под властью шведов из фондов Архива СПбИИ РАН подтверждает преемственность административной практики, что подтверждается не только исключительно русским происхождением должностных лиц среднего и низшего звена, но также традиционным характером их функций и приемов управления. Ни в одном из документов не прослеживаются попытки внедрения иноземных административных обычаев и правовых норм, однако есть свидетельства активизации традиций времен новгородской независимости. Последнее связано, прежде всего, с деятельностью пятиконецких старост, наделенных правом формировать аппарат подконтрольных им исполнителей – старост и целовальников. Их должностные обязанности, связанные с фискальной, судебной и хозяйственной сферами, имели большое значение для жизни Новгорода. Очевидно, что новгородские общественные структуры во время шведского господства не подвергались насильственной деформации, а население Новгорода не подвергалось этнической дискриминации. Это, как и повышение роли традиционного новгородского самоуправления, не позволяет характеризовать шведский режим в административной сфере как «оккупационный» в обычном его понимании, но заставляет задуматься об особой, «мягкой», оккупации, которая была свойственна административной политике Якоба Делагарди. Несмотря на отсутствие изменений в административной сфере, стоит заметить, что характер режима менялся на протяжении 1611–1617 гг. в зависимости от внутрисполитической ситуации и состояния между Москвой и Стокгольмом.

Примечания

¹ См. например : *Dunning C. S. L. A short history of Russia's first civil war. Pennsylvania State University, 2001. P. 1–3 ;*

- Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия : движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 8.
- 2 См.: *Флора Б. Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 6–7.
- 3 См.: *Oakley S. P.* War and Peace in the Baltic 1560–1790. L., 2001. P. 45.
- 4 Полномочная запись послов шведского короля Карла IX со стольником и воеводой Семеном Головиным и дьяком Сыдавным Зиновьевым о дружественном союзе Швеции с Россией и вспомогательном войске. 28.02.1609 // Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 2. С. 184–190.
- 5 Термин был введен А. А. Селиным. Подробнее см.: *Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 10.
- 6 См.: Riksarkivet, Ockupationsarkivet från Novgorod (далее – RA, NOA). Series II : 294. Л. 1 ; RA, NOA. Series II : 192. Л. 1.
- 7 *Селин А. А.* Указ. соч. С. 155–231.
- 8 См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен : в 18 т. М., 1994. Т. 7–8, кн. 4 ; *Лихачев Д. С.* Новгород Великий. М., 1959 ; *Кобзарева Е. И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М., 2005.
- 9 См.: *Селин А. А.* Указ. соч. С. 482–582.
- 10 См.: *Сюндберг Х.* Жизнь в Новгороде во время шведской оккупации 1611–1617 гг. // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6(16). С. 273–278.
- 11 См.: *Кобзарева Е. И.* Указ. соч.
- 12 См.: Архив СПбИИ. Кол. 174.
- 13 <http://www.spbiiran.nw.ru/архив-2/> (дата обращения: 15.09.2017)
- 14 Архив СПбИИ. Кол. 174. Оп. 2. Д. 525. Л. 1.
- 15 Там же. Д. 525. Л. 1.
- 16 Riksarkivet, Stockholm. Ockupationsarkivet från Novgorod. Serie 1, 2.
- 17 В начале 2000-х гг. группа шведских славистов, возглавляемых Э. Лёфстранд, при содействии российских ученых из Москвы, Санкт-Петербурга и Великого Новгорода подготовила и опубликовала полную и комментированную опись сохранившихся документов НОА в двух томах (Account of an Occupied City : Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617/ Elisabeth Löfstrand and Laila Nordquist. Series I. Stockholm, 2005 ; Series II. Stockholm, 2009). Первая серия включает в себя таможенные, кабацкие, дозорные, кабальные, дворовые, лавочные, приходно-расходные книги ; книги, связанные со сбором налогов, книги сбора судной пошлины и т.д. Материалы второй серии состоят из купчих записей, служилых кабал, отпусковых, судных дел, судебных грамот, расспросных речей, ведомостей об оплате, обыскных грамот, росписей, мировых грамот, поручных записей, т.е. из отдельных дел, записанных на отдельных листах и склеенных в свитки.
- 18 *Коваленко Г. М.* Русские и шведы от Рюрика до Ленина. М., 2012. С. 70.
- 19 См., например : RA, NOA. Series II : 8. Л. 1 ; RA, NOA. Series II : 279. Л. 1.
- 20 Архив СПбИИ. Кол. 174. Оп. 2. Д. 525. Л. 1.
- 21 См., например : RA, NOA. Series II : 26. Л. 1 ; RA, NOA. Series II : 47. Л. 1.
- 22 Примечательно, что представители шведской администрации, воеводы также обзаводились отчествами на русский манер. Например : Якоб Делагарди именовался как Яков Понтусович или Яков Понтусов сын, Пальм Монс Мортенсон – Монша Мартынович, Ганс Бракиль – Анц Брякилев.
- 23 См.: *Селин А. А.* Указ. соч. С. 556.
- 24 Там же. С. 348.
- 25 Account of an Occupied City. Series II. P. 530.
- 26 См.: *Селин А. А.* Указ. соч. С. 589.
- 27 См. упоминания о госте, таможенном голове Первом Прокофьеве в документах : RA, NOA. Series II : 23, 42, 137a, 357. В именном указателе каталога см.: Account of an Occupied City. Series II. P. 556.
- 28 См.: *Селин А. А.* Указ. соч., например, С. 83, 147, 394.
- 29 См.: *Кобзарева Е. И.* Переговоры Новгорода со шведами об избрании Карла Филиппа на русский престол // НИС. СПб., 2003. Вып. 9 (19). С. 339–381.
- 30 Там же. С. 345.
- 31 См., например : *Мартышин О. В.* Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 242–246 ; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 327.
- 32 См.: *Нелидова Е.* Русь в ее столицах. Новгород. Исторические очерки. СПб., 2008. С. 43.
- 33 См.: *Скрынников Р. Г.* Трагедия Новгорода. М., 1994. С. 152–154.
- 34 См.: *Коваленко Г. М.* Русские и шведы от Рюрика до Ленина. С. 69 ; *Коваленко Г. М.* Второе призвание варягов. Шведы в России в 1609–1617 гг. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Великий Новгород, 2006. С. 97 ; *Коваленко Г. М.* Великий Новгород 1611–1617. Между Москвой и Стокгольмом // Научные записки Института украинской археографии источниковедения НАН Украины. Киев, 2009. Т. 19. С. 174.
- 35 См.: *Аракчеев В. А.* К изучению тяглых обязанностей посадского населения Новгорода в 1611–1616 гг. // Novgorodiana Stockholmiensia. Стокгольмская Новгородика. Stockholm, 2012. С. 89.
- 36 См.: RA, NOA. Series II : 155. Л. 15–16.
- 37 Там же. Л. 16.
- 38 См.: Account of an Occupied City. Series II. P. 494–578.
- 39 Архив СПбИИ. Кол. 174. Оп. 2. Д. 529. Л. 1.
- 40 Город был взят в ночь с 15 на 16 июля 1611 г. Подробнее см.: *Черникова Т. В.* Европеизация России во второй половине XV – XVII веках. М., 2012. С. 451 ; *Smirnov A.* Svensk historia under vattnet. Värnamo, 2002. P. 81.
- 41 См.: *Веселовский С. Б.* Сошное письмо : Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915. Т. 1. С. 168–336.
- 42 См. определение «sworn man» : Account of an Occupied City. Series II. P. 601.
- 43 См.: *Аракчеев В. А.* Указ. соч. С. 88.
- 44 См.: *Sjoberg A.* The Public Sauna in Novgorod 1611–1615 // Scando-Slavica. Vol. XXII. 1976. P. 125–137.

⁴⁵ См.: Безус Н. Б. Суд и процесс в Новгороде в начале XVII в. // Государственная власть и местное самоуправление в России. Великий Новгород, 2006. С. 95.

⁴⁶ См.: RA, NOA. Series I : 77. Л. 13–115.

⁴⁷ Отписка губного старосты Игнатия Дюкина в Великий Новгород боярину и большому ратному воеводе Якову Пунтосовичу Деллагарди, боярину князю Ивану Никитичу Большому Одоевскому и дьякам Семену Лутохину

и Андрею Лысцову о сборе в Деревской пятине подъемных денег послам (Полиевкту Матвеевичу Колычеву с товарищами) и денег за шубы и сукна немецким ратным людям. 1611 г. // Архив СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Д. 531. Л. 1.

⁴⁸ В документах НОА можно встретить дела, которые записывались на старых листах, т. е. с уже имеющимися записями.

Образец для цитирования:

Попова Е. М. К вопросу о характере новгородской административной практики периода наместничества Якоба Деллагарди (по материалам архива СПбИИ РАН) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 12–17. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-12-17.

Cite this article as:

Popova E. M. On the Nature of the Administrative Practice of Novgorod the Great during the Period of Jacob de la Gardie's Governorship (based on the Archive of St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 12–17 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-12-17.
